

КАК ТЫСЯЧИ ДРУГИХ

довиковича, знаменитый исследователь Тунгусского метеорита, человек, при жизни воспетый Багрицким, был не намного моложе своего омского коллеги Но он добился призыва в народное ополчение Москвы, сражался и умер, как солдат, в том же 41-м.

В запасниках Омского краеведческого музея хранится обширный личный архив Драверта. И есть в нем документы особенно дорогие нам сейчас, в год тридцатилетия великой Победы.

Вот черновик выступления, прозвучавшего по радио в конце июля 1941-го года:

«Граждане! Почти четверть вена я живу в Омске, идя плечом к плечу с вами, на путях нашего мирного строительства дорогой поэта и научного работника.

Сердце поэта бьется в унисон с сердцем народа. Сердце русского ученого — это сердце светского гражданина. В эти дни навязанной нам войны, как нельзя более, чувствуется, что любая профессия должна быть у нас связана с делом обороны страны, с моральным и физическим уничтожением врага, перешагнувшего священные рубежи нашего Отечества.

И, забывая тяжесть лежащих на моих плечах лет, я скажу: «Родина! Мысль о твоём благе владеет моим пером писателя, мои руки и глаза исследователя природы служили и будут служить тебе, пока бьется мое сердце»^{*}

А рядом — свидетельства того, что у Драверта за словом всегда стояло дело.

Копия «Отчета геолога лаборатории стройматериалов П. Л. Драверта по командировке в Омский, Горьковский и Большереченский районы для поисков мест нахождения известково-мергелистых конкреций»

«Иногда нам приходится употреблять старые слова, не вполне отвечающие по своему первоначальному значению тому понятию, которое мы хотим выразить.

Мне кажется, что в таком положении очутились теперь мы, когда нам понадобилось охарактеризовать в одном слове всевозможные гнусные злодеяния, совершенные фашистами...»

Это текст дравертовского памфлета «Извращения», написанного страстно и с блеском.

«Зверства», — продолжает автор. — Не слышимо ли это слабо выражено?.. Можно ли этих двуногих негодяев равнять в жестокости со зверями? Мы знаем волков, ягуаров, тигров и других хищных зверей. Правда, — они живьем поедают свою добычу, но при этом они не отдают себе отчета в муках их жертв... А фашисты сугубо сознательно применяют всякие доступные их воображению моральные издевательства и физические пытки к своим жертвам, садически наслаждаясь при этом их мучениями.

Приходится признать, что еще не родилось такое слово, которым можно было бы со всей силой и полнотой объема заклеймить презренных и мучеников...»

Надо положить предел той глубочайшей постыдной бездне падения, нуда влечет фашистская клика германский народ. Надо приостановить эту порчу человеческой породы, производимую восьмой год в огромном масштабе Гитлером и его сорничевой сволочью. Фашистов не переделать, не поправить. Это не душевнобольные, которых надо лечить. Это сознательно действующие изверги, которых, как чумную заразу, надо стереть навсегда с лица Земли.

И это неминуемо будет!...»^{*}

Поэтому меня и моих товарищей так радовали письма из Сибири, из глубокого тыла, от очень мирного человека — омского профессора Драверта. В этих письмах он не «воодушевлял» нас на победы, не «подбадривал». Он просил, даже настаивал, чтобы я и мои однополчане... собирали экспонаты для Омского краеведческого музея, где Петр Людовикович тогда работал. Экспонаты, которые потом, после разгрома врага, будут рассказывать о пути к победе. У Драверта не было и тени сомнения в исходе войны. Нага, бывшим тогда на передовой, в самом пекле, признаться, назались немного странными эти настоятельные просьбы собирать «объемные экспонаты» (он требовал именно объемных как более ценных, более наглядных по сравнению с графическими). Но потом до меня дошел глубокий смысл этой просьбы... У нас был обычай — читать письма вслух. Читали таким образом и письма Драверта. Бойцы их даже ждали, часто спрашивали: «Ну, как там, профессор не пишет? Больше метеоритов не нашел?»

(Кстати сказать, С. И. Вермей после войны привез в Омский краеведческий музей целую коллекцию экспонатов. Она до сих пор хранится в фондах).

Петр Людовикович дожил до светлого дня Победы. Но он не смог отпраздновать и первой ее годовщины — умер в декабре 45-го. И в том, что закаленный в многочисленных экспедициях организм все-таки не смог справиться с болезнью (воспаление легких), возможно, виновата неумоимость, с которой жил и трудился этот человек в военные годы.

Впрочем, понять и оценить это можно лишь сейчас, ибо тогда так жили многие тысячи его коллег по науке, собравья по перу.

* Публикуется с сокращениями.

* Публикуется с сокращениями.